

Ольга Шах

**ПОМЕЩИЦА
БЕДНАЯ ЛИЗА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ш31

Ш31 **Шах О.**
Помещица Бедная Лиза / Ольга Шах – М.: Литнет, 2025. – 366 с.

ISBN 978-5-521-93839-1

Верно говорил герой очень известной комедии Эльдара Рязанова: "Пить надо меньше! Меньше надо пить!". Только я, Лиза Арсеньтьева, москвичка в энном поколении, не последовала ценному совету! Обиделась на своих коллег по работе, что подвели меня под сокращение, и вообще, на весь мир, за то, что в жизни не везло. Приняла лишнего "на грудь" и решила, раз не везёт мне в этом мире, попрошусь-ка я у неведомых сил в другой мир! Пропила - получи и распишись!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93839-1

© Литнет, 2025
© О. Шах, 2025

Глава 1

Другой мир – Лиза 1

Я брела от метро домой почти не видя дороги, спотыкаясь и загребая своими новенькими модными ботиночками ту кашу, что в Москве называется снегом. Перемешанный грязный снег с разными реагентами и просто солью, с добавками от автомобилей – бензином, соляной и маслами. Зима в этом году на удивление, была снежной, и снег выпал достаточно рано, аж в начале декабря. Что стало шоком для коммунальных служб. В груди жгло, клекотало от невыплаканных слез, но глаза были сухие. Обидно было невыносимо. За что же так со мною? Нет, я понимаю, что я далеко не красавица и не являюсь «мечтой хрустальной» какого-нибудь бизнесмена-миллиардера, который разглядит во мне свой идеал, но я всё-таки женщина. Пусть и не первой молодости. Я сплотнула ещё раз, унимая горечь и соль в горле от того, что не могла заплакать. Как закаменела там, в офисе, так и ходила по этажам огромного здания с сухими, ничего не выражающими глазами и выпрямленной до доскообразного состояния спиной (впрочем, с моей фигурой это совсем несложно).

Так и ехала домой в метро, толкалась на выходе, брела по сугробам к себе домой. Удобнее перехватив коробку со своими вещами из офиса, быстрее зашагала к уже различимому родимому подъезду. Какой идиот придумал, что при увольнении сотрудник должен собрать свои вещи в коробку – непонятно, ведь в сумку же удобнее? Но мы следуем европейским стандартам и тащим эти дурацкие коробки, потом швыряем их красивым жестом на заднее сиденье машины, садимся на водительское кресло и, включив зажигание, уносимся на авто в даль голубую. А у меня машины нет и швырять эту проклятую коробку мне некуда. Даль, правда есть, но вряд ли голубая. Подойдя ближе к своему подъезду, я от досады сцепила

крепче зубы и сделала не просто каменное лицо, а железобетонное! Ибо шла я домой во внеурочное время, и бабки-кумушки из нашего подъезда и двух соседних, «паслись» на двух лавочках, которые остались только возле нас. Остальные, под горестные вопли бабок, выдрал и утащил все в ту же даль бессердечный ЖЭК. Под соусом реконструкции и облагораживания нашего двора.

Придерживая норовящую упасть проклятую коробку и нашивая рукой в кармане пуховика ключи, не глядя на старух, кивнула им всем сразу и прошествовала мимо них. Прямо как через строй со шпицрутенами. Спину жгло от любопытных взглядов, и явственно слышались шепотки:

– Чегой-то Лизка не вовремя домой идёт? Вон, какую коробичку тащит! Видно, накупила всего, а где такие деньжищи берет? Проститутка, видать! Точно, Петровна с первого подъезда говорила, проституткой она в бане работает! Во, уработалась, едва идёт!

Тяжеленная металлическая дверь подъезда грохнула, закрываясь тугой пружиной, едва не поддав мне по зад... ну, в общем, по тому, что должно быть практически у каждой женщины, а у меня только теоретически. Ещё пролет до лифта, приехавшая громыхающая сетчатая коробка вознесла меня на мой шестой этаж, родная дверь, и вот я дома.

Уронила коробку на пол в прихожей и, не раздеваясь, сама тут же приземлилась на пол, не включая свет. Ревела я долго и со вкусом, захлебываясь, подвивая, икая, растирая сопли и валяясь по полу, как неразумная детсадовка. Пока не пришел Федька. Сев возле меня на пол копилкой, он вначале внимательно осмотрел меня и неожиданно громко, басовито мявкнул.

Да, все верно, Федька – это мой кот. Эта здоровенная беспородная полосатая сволочь, наглая до невозможности, отъевшаяся на хозяйских харчах, но корча при этом из себя независимую личность и не желавшая отзываться ни на какое имя, кроме как на «Фиодор». Вот именно так, просто «Федор» не прокатит. Тем более баналь-

ное «кис-кис». На него тогда сразу нападает удивительная глухота. А ведь когда-то, два года назад, я вытащила его из помойки совсем крохой, поздней осенью, он от голода и холода уже и мяукать не мог, только разевал беззвучно розовый ротик и тарашил голубые глазенки. И вот на тебе, вырастила на свою голову.

Перевалившись на бок и глядя на кота, подавляя последние всхлипы с икотой, я ему сказала:

– Что смотришь, Фадор? Не видел ик... хозяйку никогда такой? Я сама ик... себя такой не видала ик... Ладно, не тарачись, сейчас встану... ик... наверное...

Кое-как, елозя ботинками по скользкому паркету (спрашивается, какого черта я вчера его натирала?), держась за стенку, я поднялась на ноги. В ростовом зеркале в шкафу я отражалась во всем своем великолепии. «Хороша» я была необыкновенно! Полурасстегнутый пуховик, наполовину вылезший из ворота широкий, модный в этом сезоне шарф, связанный собственноручно, грязный рукав бежевого пуховика – опять в лифте шаркнулась рукой! Всклощенные волосы, утром тщательно уложенные и облагороженные покраской в ближайшей парикмахерской, чтобы не было заметно моего природного мышинного цвета. А как апофеоз – размазанная по всей физиономии тушь (а рекламировалась как водостойкая! Жулики!), перемежалась с карминными пятнами помады и вокруг глаз, как у мишки-панды, цвели почему-то черные тени, ещё утром бывшие благородного серо-дымчатого цвета. Самой страшно стало. Раздевшись и пнув по дороге подвернувшуюся под ноги коробку, пошла в ванную, смывать эту невероятную красоту и переодеваться. Не ходить же мне по квартире в офисном костюме. Выполнив намеченное, прошла на кухню, села у стола и, подперев щеку рукой, принялась размышлять о своей нелегкой судьбе и что мне делать дальше, даль-то ведь не голубая...

Вообще-то лучше начать с самого начала. И я стала думать, что во мне не так, за что мне все это? Для начала познакомлюсь

я с собой заново. Разрешите представиться – Елизавета Арсентьева! Обычное имя. Зато отчество у меня – Генриховна! И до года своей жизни я имела неповторимую фамилию Пфайфель! Как сказала бабушка Мария: «подгадил-таки, немчура»! «Немчура» – это мой папенька, ну да, он немец, из поволжских немцев. Как сказала бабуля, запудрил мозги моей маменьке на третьем курсе, и вот, к дипломному проекту мамыши, появилась я, вечно орущее, вечно голодное и исправно пачкающее пеленки существо. Вытерпев всего полгода, вчерашние студенты, а ныне мои родители, решили, что хватит с них родительских забот и отбыли в даль голубую (тьфу, зараза, что она ко мне привязалась сегодня, даль эта!), то есть, сказали, что в экспедицию, то ли в геологическую, то ли археологическую, а то ли и вовсе филологическую – я не уточняла, а бабуля не распространялась. И растворились с тех пор на просторах Родины, впрочем, сейчас, может быть, уже и не Родины. Бабуля, будучи дамой обеспеченной, могла позволить себе нанять мне няню, а потом и устроить меня в ясли. Когда мне исполнился год, бабуля, задействовав свои связи, сменила мне фамилию в документах, и стала я, как и она, Арсентьевой. Но папуля подгадил мне не только фамилией. Увы! Я и внешностью пошла в него, и характером. Педантичная, въедливая, всегда спокойная, с равнодушным выражением на лице. В общем, характер нордический, выдержанный. Я и дралась с этим самым выдержанным характером и спокойным выражением лица. А драться мне приходилось часто, ребятня и в детсаду, и во дворе, да и в школе тоже частенько дразнили меня. К тому же я обладаю одной неприятной чертой – я прямолинейна до изжоги. Как говорит мой троюродный братец Кирюха (бравый офицер спецназа, между прочим!): «Тактичности и дипломатичности в тебе, Лизка, как в бэтре! То есть нисколько».

Да, внешность у меня того... не мечта поэта, прямо скажем. В детстве, глядя на меня, бабуля со своими сестрами говорили уверенно:

– Ничего, перерастет! Вон Катенька (моя мамуля) тоже была гадким утёнком, а потом какая красивая выросла!

Потом, лет в пятнадцать, говорили:

– Да ещё выправится!

Но уже не так уверенно. А после, когда стало ясно, что я так и останусь худой и с фигурой, в которой сзади мешком висели даже леггинсы, спереди грудь уверенно стремилась к отметке «минус», бабуля, вздохнув, признала:

– Ну да, красавицы из тебя не получится. Зато ты умная!

Так себе утешение. В школе я была отличницей, поэтому друзей не имела. Окончив школу с золотой медалью, я, удивив бабулю и всю родню, поступила в Плехановку. То есть экономический университет имени Плеханова. И закончив его, я ещё пару лет аспирантовала на кафедре бизнес-аналитики. Но поняла, что и с кандидатской степенью денег на жизнь мне не хватит.

Бабуля ещё раз тряхнула своими связями, и меня приняли на работу в такое солидное учреждение, как Россельхозпродукт. Хотя мне было все равно, хоть сельхозпродукт, хоть Стали и сплавы. Бизнес-аналитика везде одинакова. И вот уже шесть лет, до сегодняшнего дня, я трудилась там, в должности аналитика в соответствующем отделе. Всего нас там было семь человек, восьмой начальник отдела, милейший Петр Васильевич. Он нас всех называл девчонками, хотя самой старшей у нас было уже под пятьдесят, из относительно молодых были я и удивительно безмозглое создание Лидочка.

Как она попала на аналитику, в которой не понимала вообще ничего, а главное – почему ее держали на этой должности – тайна, покрытая мраком. Поговаривали, что у нее надёжный покровитель, один из совета директоров. При этом сие надо было произносить приглушённым голосом и поднимать глаза к потолку, а остальным сочувственно вздыхать. Всю аналитику, поручаемую ей, приходилось потом переделывать нам всем по очереди. И вот, сменился у нас начальник нашего направления, курирующий сразу несколько отделов. Красавчик, спортсмен, с дипломом Гарварда, но страшный бабник. Наши девицы все только томно вздыхали, говоря о нем.

И тут случилось три неприятности сразу – Петр Васильевич наш ушел в отпуск, мне выпало переделывать отчет Лидочки и на наш отдел надвигалось сокращение штатов. Ясно, что предполагались две кандидатуры – Лидуся и я. Так что, в свете надвигающегося, да ещё просидев полночи за компом, исправляя и переделывая отчет Лидочки, пришла на работу не в лучшем расположении духа. Ни на кого не глядя, достала из сумки флешку с отчетом, и громко заявила:

– Сколько можно пахать за эту начальственную грелку? Лидка, ты как диплом получила? Или купила в переходе?

Гробовая тишина, воцарившаяся в кабинете, меня всё-таки остановила от дальнейшей гневной речи. Повернувшись, увидела чудную сцену – возле Лидкиного стола стоял наш красавчик, а уткнувшись ему в английский пиджак, картинно рыдала Лидуся. Вот стерва, она даже ревет изящно, аккуратно, нигде ни тушь не потекла, ни помада не размазалась! Промокает глазки начальственным платочком, а он наглаживает ее по спине, но рука так и норовит сползти пониже. Ощущение крупных неприятностей почувствовала даже моя плоская пятая точка. Лидуся удалилась попудрить носик, а начальник сухо предложил мне зайти к нему через полчаса и тоже удалиться. Я плюхнулась на стул, не зная, что делать, а наши дамы кинулись наперебой давать мне советы.

– Извинись! Скажи, что голова болела, не помнишь, что говорила!

И много чего ещё. Сейчас даже не скажу, кто брякнул:

– Да дай ты ему! Он же ни одной юбки не пропускает! Вот и не сократит! А Лидку ее папик сверху прикроет, все и обойдется!

Глава 2

Что у меня было в голове, не знаю. И я трижды дура, что послушала это все и повелась. Торопливо подновив макияж и брызнув на всякий случай, в некоторых местах духами, двинулась в кабинет начальства. Секретарша, противная и жеманная Наташка, хмыкнула, увидев меня, но пропустила в кабинет.

Начальник, не утруждая себя предложением мне присесть, сухо начал:

– Вы знаете, что у нас идёт реорганизация, и вы попадаете под сокращение кадров. Приказ я сегодня подпишу и отработать две недели не надо. Можете получать документы и расчет.

После этих слов я и решила идти ва-банк. Облизнув, как мне казалось, эротично губы, я начала продвигаться к начальнику, покачивая тем, что у меня отсутствовало – бедрами, и медленно расстёгивая пуговицы офисной блузки. Он вначале ничего не понял, но когда я дошла почти до середины блузки, и в распахе был виден лифчик, понял, вскочил, загораживаясь от меня креслом и вскрикнул:

– Вы что? Вы что себе позволяете? Вы в зеркале себя видели? Да я столько не выпью!

Вот после этих слов я и закаменела. Деловито застегнула блузку, поправила юбку и, как мне казалось, с достоинством вышла из кабинета. Но чаша моего унижения была ещё неполная. Стерва Наташка, смеха ради, просто включила связь с кабинетом начальника на полную громкость, и все желающие могли отчётливо услышать все, что хотели.

Так и не сказав никому ни слова, я ушла из этого здания. Дальнейшее уже известно. Теперь вот сидела на кухне и раздумывала, что делать мне дальше. Искать работу надо, да только где найти приличную, по моему профилю? И хватит ли мне денег на жизнь? Небольшие накопления у меня есть, бабуля давно мне откладыва-

ла на счёт. Бабушки Марии уже нет на этом свете два года, а я все не могу смириться с ее потерей. Есть ещё бабушкины драгоценности, но это уж если совсем голод будет заглядывать в глаза. Обводя взором нашу немаленькую кухню (сталинки всегда были с хорошим метражом, а мы жили как раз в такой, и никакой реновации на нее не предвиделось) я увидела за стеклом горки большую бутылку мартини. Я ее давно купила, почему-то мне тогда показалось таким шикарным – сидеть и пить мартини из бокала с ягодкой. Но так и не сподобилась. А тут, ни с того, ни с сего, решила, что увольнение – хороший повод выпить. И я принялась претворять этот план в жизнь. Все события, последовавшие со мной потом – результат того рокового решения.

На всякий случай, вдруг совсем напьюсь, задала этой полосатой скотине корма, достала свою злополучную бутылку и подходящую, как мне показалось тогда, емкость – рюмку тонкого стекла на высокой ножке с бокалом воронковидной формы. В каком-то фильме вроде бы видела, как в импортном баре красотка томно потягивала мартини из такого бокала, ягодка там ещё какая-то плавала. А, впрочем, неважно, может, я что-то и путаю. Но первую рюмку я выпила по – плебейски, залпом, вовсе даже не смакуя напиток и практически без закуски.

Ну не считать же за таковую засохший месяц назад ломтик сыра и три сырых яйца? Я только сегодня намерена была готовить себе еду на ближайшие несколько дней из замороженных полуфабрикатов, но не сложилось как-то. А из готового в холодильнике была только банка кошачьих консервов для Федики. Не думаю, что он будет рад такой конкуренции. Но ничего, первая рюмка пролетела, только чуть загло в пустом желудке. Потом я пила ещё, кажется, был сгрызен и мумифицированный сыр, и сырые яйца, во всяком случае, скорлупа от яиц в мойке мне точно помнится. Не могу сказать, после третьей или четвертой рюмки, я начала себя жалеть. Сидела за столом и выла, раскачиваясь: